

Салтыков-Щедрин, М. Е. 18.09.91

Салтыков-Щедрин

Н.И.ЩЕДРИН, ОН ЖЕ М.Е.САЛТЫКОВ

Салтыков-Щедрин. генерал-сатирик. Клинописный почерк, неприятный характер, неистовые глаза.

Салтыков-Щедрин. Как срослась фамилия с псевдонимом. Двадцать томов скрипячей от бешенства прозы, отравленное кружево неотрежимых обиняков; недомолвки из тех, что смываются только кровью; и аллегории, прямые, как зуботычины. Презрительный голос. Вывернутый наизнанку слог. Ум, в точности передразнивающий бессмыслицу мира. Свинцовая латынь подцензурного красноречия.

"Я думаю насчет этого так: истинные ораторы (точно так же, как и истинные баснописцы), такие, которые зажигают сердца людей, могут появляться только в таких странах, где долго существовал известного рода гнет, как, например, рабство, диктатура, канцелярская тайна, ссылка в места не столь отдаленные (а отчего же, впрочем, и не в отдаленные) и

проч. Под давлением этого гнета в сердцах накапливается раздражение, горечь и страстное стремление прорвать плотину паскудства, опутывающего жизнь. В большинстве случаев, разумеется, победа остается на стороне гнета, и тогда ораторы или сгорают сами собой, или кончают карьеру в местах более или менее отдаленных".

Действительный статский советник Салтыков скончался в собственной постели, завещав семейству приличный капитал.

Государство, семья, собственность - он утверждал, что эти принципы распались, но был вынужден откупиться от них биографией.

Совесть его долго маялась между теорией и практикой. У Салтыкова были идеалы. Он отыскал их в книгах своей безотрадной юности - в Евангелии, сочинениях Сен-Симона, Жорж Занд и Белинского. Имея неудобную привычку додумывать вся-

кую мысль до конца, он сличил идеалы с фактами и вывел убеждения, с которыми сообразовывал свою деятельность всегда. Испуг от внезапной высылки, навоз провинциальной скуки, соблазн административной карьеры, искус литературного успеха, либеральные иллюзии, задор цинической безнадежности - все прошло, а убеждения остались.

Золотой век находился несомненно впереди, но так далеко, что ради него можно было только погибнуть. Оставалось решить - как погибнуть полезнее.

"... вопрос, которая манера лучше, выдвинутся не со вчерашнего дня. Всегда были теоретики и практики, и всегда шел между ними спор, как пристойнее жизнь прожить, ничего не совершив, но в то же время удержав за собой право сказать: по крайней мере я навозной жижи не хлебнул! или же, погрузившись по уши в золото, в виде награды сознавать, что

вот, мол, и я свою капельку в сосуд преуспеянья пролил".

Жизнь человека, задавшегося такой дилеммой, должна быть очень горька. Но Салтыкову открылся выход. В пределах литературы он мог доставить своим идеалам торжество. Ведь сатира - приемная дочь утопии.

Салтыков был прирожденный политический писатель. Перемену правительственного курса он угадывал заранее, как ревматика - ненастье: по ломоте в суставах. Общественную ситуацию переживал как личную тоску. И видения этой тоски описывал.

Получался пейзаж современности, выдержанный в тонах рентгеновского снимка.

"И небо, и земля, и движение, и жизнь - все исчезает; впереди усматривается только скелет смерти, в пустой череп которой нарочатский проезжий, для страха, вставил горящую стеариновую свечку".

Поверхность жизни пред-

ставлялась Щедрина фальшивой. Это была ширма, вся в разводах случайности, над ней марионетки выкликали тексты передовых статей. Он слышал шорох ниток и видел, как за ширмой копошатся уродливые тени, видел "ту другую действительность, которая доступна лишь очень пристальному наблюдению".

Он знал, что настоящее содержание всякой минуты - игра и драма злых исторических сил. Произвол, хищный интерес, шкурный страх и глупость. Четыре стихии, как у Гераклита. Спаситься невозможно.

Жизнь, управляемая ими, одних истребляет и раслаивает других, отрывая людей от человечества, исключая из истории, наполняя вселенную мертвецами, из которых иные, впрочем, способны совершать поступки и произносить слова в пользу произвола, хищного интереса, шкурного страха и глупости. Порочный круг, ночь

низких призраков.

Салтыков веровал, что она не вечна и все может перемениться, когда угнетенное большинство очнется и примет участие в политике.

Но он не унижался до оптимизма. В сопротивлении животным инстинктам, оккупировавшим историю, союзниками были только здравый смысл и нравственное чувство.

Щедрин без конца репетирует диалог здравого смысла с наглым, ликующим насилием:

"- Говорил я ему: какой вы, сударь, имеете резон драть себя? а он только знай по зубам щелкает: вот тебе резон! Вот тебе резон!

Такова единственно ясная формула взаимных отношений, возможная при подобных условиях".

Так бьется мысль об эпоху, точно муха между стеклами закрытого на зиму окна.

Излагать азбучные истины, как крамольные

парадоксы. Изображать жизнь, зашвыбленную ненужными подробностями, - пустой и отвратительной хуже смерти. Пародировать эту ханжу - официальную идеологию, разменяв ее наличность набором злобных междометий (цыц! не твое дело! фюйть!), а также идиом вроде той, излюбленной, про Макара с его телятами... Компрометировать цензуру, искажая стиль гримасой комического ужаса. Превзойти мучительной фантастикой произвол власти. Подвергнуть самым унижительным словесным наказаниям героев политического сыска и пресмыкающейся прессы.

Втоптать в грязь газетные знамена. Оскорбить не только начальство, но и повадивых обывателей, вообще всех, кто рассчитывает выжить в данное время и при данном порядке вещей. Вменить себе в гражданский долг остервенелую работу мрачного остроумия.

И ни минуты отдыха. Ни тени счастья. Ни слова о любви.

"Я на свете любил только одну особу - читателя..."

Литература была его религией.

"Все, что мы видим вокруг нас, все в свое время обратится частью в развалины, частью в навоз, одна литература вечно останется целою и непоколебленною. Одна литература изъята от законов тления, она одна не признает смерти... Ибо ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет ее, как представление о литературе".

Литераторские Мостки зимой очень похожи на жизнь Салтыкова. Холодно, безлюдно. Стоят в сугробах знакомых классиков. Бронзовый Салтыков-Щедрин смотрит в другой конец аллеи на бронзового Тургенева.

"Как хотите, а есть в моей судьбе что-то трагическое".

6